

ИЧЕСКИЙ КОМПРОМАТ ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОМПРОМАТ ПОЛИТИЧЕСКИЙ

АЛЕКСЕЙ САХНИН

БОЛОТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

ИЧЕСКИЙ КОМПРОМАТ ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОМПРОМАТ ПОЛИТИЧЕСКИЙ

Алексей Викторович Сахнин
Болотная революция
Серия «Политический компромат»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6713167
Болотная революция: Алгоритм; Москва; 2014
ISBN 978-5-4438-0787-4

Аннотация

Один из главных участников революции 2012 года, координатор движения «Левый фронт» А. Сахнин рассказал полную версию событий на Болотной площади. Когда в 2011 году стало известно, что основным кандидатом на пост президента РФ будет В. В. Путин, в Интернете закипели баталии, но на улицах было тихо. Очень тихо. Хотя уже тогда протестное движение в России приобрело массовый характер, а вскоре вся страна узнала о том, что у нее есть оппозиция. Вскоре она узнала и о том, какая судьба уготована революционеру в России...

Вся история оппозиционного движения 2011–2012 годов рассказана в книге А. Сахнина «Болотная революция».

Содержание

Предисловие	4
От автора	5
Предыстория:	10
Гражданские движения в 2005–2011 гг	15
Предпосылки подъема: рокировка, крушение надежд на либерализацию сверху, кризис...	23
Декабрьский «взрыв» 2011 г	28
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Алексей Викторович Сахнин

Болотная революция

Посвящается узникам 6 мая

Предисловие

Ястребиный взгляд

Искренний, спешащий высказаться, при этом интеллектual – цепкий четкий ум, отлаженная логика. Энергичный, подвижный, с ястребиным взглядом... Таким я вижу Алексея Сахнина.

Он – левый. Он, выражаясь старинным языком, народник. Из тех, кто переживает за обычных безвестных и беззащитных, многожды обманутых и униженных людей. У них нет нормального жилья, нормальных доходов, нет достойной жизни.

Сахнин с его образованием и способностями мог бы пополнить городскую «продвинутую среду», сделать карьеру успешного журналиста и разглагольствовать на эфемерные темы, попивая винцо в полубогемном кафе. Но ему есть дело до большой России, и, наверное, поэтому он был вынужден бежать.

Он выходил к заводским проходным – защищать рабочих, он выходил к общежитию – не давал выселить многодетных, он сражался с наемными верзилами, вырубаящими парки и сносящими старинные здания.

Он всегда презирал фальшь «двойных стандартов», готовый быть вне всех ложных контекстов нашего времени. Он одновременно боролся с пыточным укладом тюрем и автозаков, который кто-то выдает за «государственничество», и тошным олигархическим устройством, которое кто-то выдает за «прогрессивность». Понятное дело, такому парню очень трудно.

Сахнин – нонконформист. Яркий и яростный элемент. Без таких жизнь теряет энергию. Если переведутся самостоятельные люди, которых лично оскорбляет несправедливость, будут всюду нераздельные пошлость и подлость.

Интересно, что в этой книге, выражая понятную симпатию единомышленникам-левакам, автор вводит экзистенциальный план.

Всех судьбы ждут разные. Что будет с Россией? С каждым из нас? Вопросы...

Перед нами серьезная, тщательно скроенная аналитическая работа, за которой чувствуется жар переживания.

В этой книге есть то же, что и в ее авторе – холодная ясность и горячая искренность.

У всех разные оценки уличных протестов, начавшихся в декабре 2010-го: неровных и неоднородных. Кто-то разочарован, кто-то надеется, кто-то заранее не верил. Было всякое: ораторы и обычные граждане, у кого-то риск, боль, сломанная судьба, у кого-то безопасное позерство. Но все осталось в истории.

Что бы вы сейчас ни думали, как бы ни стали думать в дальнейшем, эта книга – пособие по важнейшей части новейшей истории нашей страны.

Сергей Шаргунов

От автора

Большая часть моей сознательной жизни прошла в эпоху тишины. Это называлось ненавистным словом «стабильность». Не то, чтобы время стояло на месте и ничего интересного не случалось вообще. Нет, иногда новости были захватывающие и волнующие. Где-то начинались войны. Политики непрестанно встречались на высшем уровне и что-то обсуждали. Заключались какие-то соглашения. Внутри страны тоже все, как тогда говорили, «динамично развивалось». Без перерыва шли «реформы». Что-то приватизировали, что-то, наоборот, отнимали у частников и передавали под контроль государства. Некоторых олигархов сажали в тюрьмы, у других было все хорошо. Мы видели по телевизору: одних – за решеткой и в кандалах, других – в Куршевеле и с девушками модельной внешности. В общем, жизнь кипела.

Было только одно но: в этом празднике жизни никак нельзя было поучаствовать. Т. е. опять не точно. Можно было сделать карьеру. Правда, с каждым годом это становилось все сложнее, но кое-кто преуспевал. Был даже шанс прорваться в политике. Для желающих существовали прокремлевские молодежные организации, которые, предполагалось, станут социальными лифтами для лояльной молодежи. Правда, подняли эти лифты немногих. Большинство осталось внизу. Но, как бы то ни было, кто искал – тот находил. Пристроиться было реально. А вот участвовать с правом голоса было невозможно. Приспособиться – да, поменять – нет.

Это было главное правило эпохи «стабильности»: никто не смеет соваться в политику без высочайшего приглашения. Режим и олигархия, на которую он опирался, шаг за шагом отстраняли общество от любой формы участия в определении своей судьбы. Собственно, и во времена Ельцина демократия использовалась только как камуфляж для борьбы элитных кланов, но при Путине ее решили резко сузить, чтобы даже случайно никто не смог прорваться. Суды поставили в прямую зависимость от исполнительной власти. Кремлевская администрация взяла в свои руки нити управления основными эфирными и печатными СМИ. Было «зачищено» партийно-политическое пространство. В конце концов, из сотен существовавших на рубеже веков партий, к середине 2000-х осталось только семь. Да и те были партиями только по имени, по существу представляя собой переговорные комнаты между бизнесом и администрацией президента. Право митинговать, демонстрировать и вообще «бузить» на улицах тоже скоро свели к минимуму. Несогласных ждали репрессии. Чаще – мягкие. Штраф или несколько суток административного ареста. Реже – реальные. Мальчики и девочки из НБП, например, получали вполне себе взрослые сроки.

Во всем этом была своя логика. Реформы, которые проводились в эпоху Путина, все как на подбор, были непопулярными. Волшебная нефтяная конъюнктура позволяла смягчать их социальный эффект. Но допустить свободу дискуссии в этих условиях все-таки было нельзя. Раздутая медиа-популярность президента быстро сошла бы на нет, если бы все кому не лень принялись бы критиковать. Разыгрывать спектакль социального популизма режим мог только на сцене, полностью зачищенной от любых критиков.

Но логика логикой, а активным людям, да еще позволявшим себе такую роскошь как убеждения, жить было душно. За любую попытку как-то повлиять на будущее страны, города, да хоть жителей своего дома – тут же били по рукам. Разумеется, во имя «стабильности». Поэтому нас крепко научили ненавидеть этот идеологический штамп.

Сочетание активности и убеждений было почти стопроцентной гарантией попадания в крохотное гетто российского общества эпохи стабильности – в активистские движения.

На практике это выглядело так. Пару раз в месяц каждая группа организует какую-то акцию. На нее приходят несколько десятков (иногда сотен) человек. Почти всех вы знаете

по именам или, как минимум, в лицо. Еще пару раз вы ходите «в гости» на акции других групп. Там такая же картина. Есть пара сайтов, которые отслеживают происходящее в гетто. Остальные медиа это не интересует. В море российской политики мы – крохотная щепка, которую болтает без особого смысла в разные стороны. Так было много лет.

Но на протяжении этих лет мы все, обитатели гетто, выживали, благодаря надежде на то, что вот-вот путинская стабильность кончится и главным героем российской истории станет, наконец, российский народ. Когда в 2005 г. на улицы городов вышли миллионы стариков и студентов, у которых правительство отняло данные когда-то советской властью льготы, наши надежды достигли стадии экзальтации. Движение быстро схлынуло, но мы еще какое-то время ждали «новой волны» народного гнева. Потом было несколько лет надежды на социальные движения. Они стали возникать повсюду как грибы. Локальные, умеренные, неполитизированные, но нам казалось, что это только первая стадия роста. Но подъем скоро кончился. Когда в декабре 2007 г. на заводе «Форд» во Всеволожске прошла громкая и успешная забастовка, организованная независимым профсоюзом во главе с Алексеем Этмановым, нас охватила новая надежда. Казалось, вот он, старый добрый рабочий класс. Восстает из праха постсоветского социального хаоса, осознает свои классовые интересы и уже недалек тот день, когда «Подымется мускулистая рука миллионов рабочего люда, и ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится в прах»... В общем, канонические слова Петра Алексеева наполнялись новым, актуальным смыслом. Но к 2010 г. стало ясно, что подъем рабочего движения носит ограниченный характер. Он затрагивает несколько специфических отраслей промышленности в некоторых регионах страны. Потом была надежда на «городские восстания». В 2009–2010 гг. в нескольких регионах произошли неожиданно массовые выступления протеста, быстро приобретшие ярко антиправительственный характер. Особенно мощными были выступления в Калининграде и Владивостоке. Активисты социальных движений и политических групп тогда мечтали, что это лишь пролог к грядущему подъему массового движения. В общем-то, они были правы, но ясно это стало не сразу.

К середине 2011 г. динамика общественной активности была невысока. Большие всплески остались позади. Даже экономический кризис не пошатнул правительственного контроля за всеми областями общественной жизни. Впереди были парламентские выборы, но никаких признаков того, что они будут чем-то отличаться от предшествующих, не было. Наоборот, в сентябре 2011 г. политическая активность в российской столице зримо отставала от показателей сентября 2007 г., когда страна готовилась к предыдущим выборам.

Я помню, как в сентябре 2011 г., кажется, в 20-х числах, мы разговаривали с Сергеем Удальцовым. Только что на съезде «Единой России» в торжественной обстановке объявили о том, что кандидатом от власти на будущих президентских выборах станет Путин Владимир Владимирович. В интернете закипели бурные баталии, но улицах было тихо. Очень тихо.

Настроение у нас обоих было угнетенным. На уровне рационального анализа мы понимали, что конструкция «управляемой демократии», выстроенная путинскими политтехнологиями, поизносилась и вот-вот должна дать трещину. Что противоречия в обществе нарастают и рано или поздно должны выйти на поверхность, реализовавшись в виде острого социально-политического кризиса¹. Но при всем понимании того, что «стабильность» на исходе, эмоционально в это как-то не очень верилось. Слишком тихо было вокруг. Все предыдущие

¹ Например, в самом начале января 2011 г. я опубликовал статью «Диспозиция 2011». В ней анализировалось происходящее в стране и перспективы развития общественного движения. В основных чертах я правильно описал главные конфликты российского общества и сделал вывод, что парламентские выборы с большой вероятностью спровоцируют социально-политический взрыв. См.: <http://newsland.com/news/detail/id/610022/>. Статья была опубликована на сайте Левого фронта, но старая версия сайта на сегодня не доступна. Когда я искал ссылку, обнаружил, что одним из первых эту статью в своем блоге перепечатал Леня Развозжаев, которому через полтора года предстояло стать жертвой похищения и пыток со стороны российских спецслужб (<http://lokomotiv.livejournal.com/437177.html>).

вспышки протестов были подавлены. Активистские сообщества переживали заметный упадок. И, когда мы говорили о приближающемся взрыве, мы сами себя чувствовали начетчиками, из раза в раз произносящими ритуальные фразы о скорой революции. Забавно, что, когда это ощущение достигло своего предела, до большой протестной волны оставалось всего два месяца.

Я помню, как мы сидели на лавочке в Новопушкинском сквере, курили, и Удальцов меланхолично перечислял наши неудачи. Он вспоминал, что в 2007 г., накануне предыдущих думских выборов, когда политическая борьба проходила гораздо острее, даже не участвовавшие в выборах активистские группы испытывали некоторый подъем в связи с общим ростом интереса и внимания общества к политике. Но сейчас, в 2011, все было слишком уныло. «Левый фронт», созданию и развитию которого мы отдали несколько лет, переживал если не упадок, то застой. Никакой очевидной перспективы в обозримые сроки не просматривалось («если вдруг не случится революция» — добавляли мы каждый раз). Мы, разумеется, собирались по-прежнему инициировать и проводить кампании социального протеста, участвовать в акциях против ущемления демократических прав и свобод и т. д. Но ни одна из них не казалась в тот момент потенциально прорывной. А общий кризис, который вроде бы назревает... Черт его знает, разразится ли он вообще? Или, может, рассосется сам собой?

Нас тогда — точно так же, как и теперь, — очень беспокоила угроза того, что накопившийся потенциал протеста будет спущен через безопасный для власти погромный клапан. В декабре 2010 г. довольно крупные выступления под националистическими лозунгами произошли на Манежной площади. Многим в тот момент (как и сейчас, после Бирюлево) казалось, что массовый взрыв неизбежно приобретет коричневый полуфашистский окрас. Практика показала затем, что во время подъема национализм отступает. Но тогда этого опыта у нас еще не было.

В тот раз, несмотря на хорошую погоду, разговор у нас получался невеселый. К тому же мы прощались. Мне предстояла двухмесячная командировка в Сибирь.

4 декабря, в день выборов, я прочел в новостях, что мои товарищи устроили небольшую акцию на Красной площади. Мне тогда показалось, что этим все и закончится.

Но через пару дней я вернулся в Москву. Мир уже перевернулся с ног на голову. В метро пассажиры говорили только о политике. Незнакомые люди подходили, заговорщицки подмигивая, и пожимали руки — «вы ведь тоже из оппозиции?». Энергия массового протеста буквально волнами перекачивалась по Москве и пульсировала на улицах.

Даже для тех, кто оставался в Москве, — а события, которым посвящен этот текст, проходили преимущественно в столице, — оказались к этому совершенно не готовы. А издали вообще было трудно даже вообразить масштабы перемен.

Массовое протестное движение 2011–2012 гг. не было, конечно, революцией. Оно почти не вылилось за пределы столиц и нескольких крупных мегаполисов (о немногих важных исключениях речь пойдет отдельно). Оно не вовлекло в себя большинство народа. Оно не поставило на повестку дня многие важнейшие вопросы национальной жизни. У него вообще была масса слабых мест и недостатков. Но на фоне унылой российской политики, в которой полтора десятилетия почти безраздельно властвовала элита, это движение, безусловно, было эпохальным сдвигом. Впервые за долгие годы активисты гражданских движений и рядовые граждане выступили в качестве сколько-нибудь организованной силы и превратились в ключевой фактор внутренней эволюции страны.

Так случилось, что протестное движение с самого начала было связано с Болотной площадью в Москве. Именно там прошли три важнейшие акции в его истории — митинги и демонстрации 10 декабря 2011, 4 февраля и 6 мая 2012 г. Поэтому в прессе и исторической памяти оно останется как «Болотное движение». Противники называли его «болотом». Многие участники (и я в их числе) считали, что остров между Москвой-рекой и Обводным

каналом, на котором расположена Болотная площадь, стал символом внутренней слабости, ограниченности этого движения, его будущей неудачи. Но история сложилась так, как сложилась. Сегодня всем сторонникам перемен в России стоит внимательно изучать историю болотного движения, потому что в ней содержатся многие ответы на наши вопросы о будущем. В том числе и о том, какую стратегию должны избирать активисты гражданских движений, сторонники оппозиции и просто неравнодушные граждане в следующий раз, когда судьба страны будет решаться на улицах и площадях. А в том, что такой момент настанет, я лично нисколько не сомневаюсь.

* * *

Когда-то, в 2007 г., выступая на форуме своих сторонников, Владимир Путин неодобрительно высказался о склонности сотрудников НКО «шакалить у иностранных посольств». Подразумевалось, что именно в этих учреждениях активисты гражданского общества и их лидеры пропитываются антироссийским духом и получают инструкции по развалу России. Однако путинская критика «шакалящих» отразилась не только на экологах и правозащитниках, традиционно получавших гранты на свою работу у международных организаций. В числе пострадавших оказались и многие исследователи.

По мере реализации «реформ» система отечественной науки все сильнее погружалась в кризис. Ограниченные ресурсы традиционных научных учреждений, академических и университетских организаций были недостаточны для обеспечения реализации многих исследовательских программ. Поэтому часть исследователей пыталась выживать, получая на свои изыскания гранты от разных иностранных фондов. Зачастую формой организации подобных проектов служили некоммерческие организации. Негласный запрет «шакалить» очень многих такой возможности лишил.

Чтобы предотвратить или, по крайней мере, снизить недовольство со стороны пострадавших, российские власти создали несколько программ для финансирования исследовательских проектов, реализуемых в третьем секторе. В первую очередь это касалось социологии и других гуманитарных дисциплин. Ряд лояльных Кремлю организаций превратились в дистрибьюторов бюджетных денег, выделяемых ученым и активистам на их исследования. Не берусь судить, насколько эффективной оказалась эта система. Но в той части, в которой я с нею сталкивался, могу сказать, что коррупция и цензура не были в ее рамках тотальными.

Разумеется, была коррупционная составляющая. Некоторые исследовательские заявки были заранее обречены на успех, вне зависимости от их качества, поскольку их подавали близкие к властям организации. С другой стороны, часть денег распределялась между реальными независимыми исследовательскими коллективами. Так же и с цензурой. Если среди авторов заявки были какие-то уж слишком известные своей оппозиционностью люди, с громким именем (но без протекции наверху), их проект могли отклонить, не глядя на его эпистемологическую ценность. С другой стороны, были примеры, когда исследователи с оппозиционными взглядами получали грант на предложенный ими проект.

Так или иначе, однажды я оказался среди счастливиц, получивших грант на социологическое исследование активистских сообществ. Случилось это осенью 2011 г. Собственно, исходная задача была сравнительно скромной. Мы планировали собрать несколько десятков интервью у активистов разных движений, чтобы определить основные параметры доминирующих типов организационной культуры, распространенных в активистских сообществах. Нас интересовала также механика воспроизводства этой культуры, роль личного примера авторитетных в активистской среде деятелей, историческая память разных секторов гражданского общества и т. п. По итогам анализа «полевого материала» предполагалось

написать некий академический текст и на его основе сделать несколько журнальных публикаций.

Пока мы с моими коллегами получили этот грант, пока были урегулированы все формальности, перечислены деньги и подошло время брать интервью, на улицах Москвы уже во всю бушевала «болотная революция» (в которой я и мои товарищи по Левому фронту принимали самое живое участие в качестве активистов). Эти события наложили очень большой отпечаток на собранный нами материал. Многие гипотезы, из которых мы исходили при подготовке заявки, оказались абсолютно не актуальными. И полевой материал зачастую диктовал совершенно непредвиденную проблематику.

Книга, которую вы сейчас держите в руках, в значительной степени восходит к этому проекту. В нем осталось много следов нашего социологического исследования, пришедшего на весну и осень 2012 г. Но не меньшую роль в его создании сыграл опыт личного участия в описываемых событиях. Работая над текстом, я сознательно отказался от «социологического» подхода в пользу «исторического». Получилась своего рода история массового протестного движения 2011–2012 гг. Но, надеюсь, эта история сможет послужить материалом для некоторых выводов относительно закономерностей развития гражданского общества в сегодняшней России и России будущего.

Предыстория: Эволюция гражданского общества в 1990-е и в начале 2000-х гг

Конец перестроечной волны

Каждому этапу в истории общественного движения, каждому его подъему и спаду соответствует свой идейный и эмоциональный климат, свой набор социально-психологических типажей, своя общественно-политическая культура, свои этические нормы.

Каждый подъем общественного движения формирует свое поколение активистов с их специфической повесткой дня и стратегиями решения стоящих перед ними задач.

Самое большое поколение гражданских активистов в новейшей истории России обязано своим происхождением бурным событиям эпохи Перестройки, проходившим в 1985–1991 гг. Люди, пришедшие в общественное движение в те времена, были главными действующими лицами в истории российского общества на протяжении многих лет. Они задавали саму систему координат, в которой развивалось гражданское общество. Доминирующие ценности, организационные модели, стратегии из перестроечного багажа оказывали решающее влияние на социальную эволюцию вплоть до недавнего времени.

Впрочем, это воспроизводство социального опыта не было механическим. Активистские сообщества эволюционировали вместе со страной, хотя и сохраняли в своем ядре «перестроечные модели»².

Когда на смену острому социально-политическому кризису (вернее, череде кризисов) 1987–1993 гг. пришла чуть более спокойная (хотя все-таки очень динамичная) эпоха, гражданские движения стали испытывать постепенный спад численности. Начиная с 1994 г., этот процесс был виден невооруженным взглядом и лишь нарастал до конца десятилетия.

Самым значительным трендом этого периода стал массовый выход из сферы негосударственной и некоммерческой активности тех, кто ходил на уличные акции, участвовал в профсоюзных, правозащитных, экологических инициативах периода Перестройки. Некоторые впоследствии вернулись. Оставшиеся в «третьем секторе»³ кадры профессионализировались, превратились в команды профессиональных экологов, правозащитников, журналистов и т. д.

Среди сегодняшних активистов немало тех, в чьей судьбе отразился этот спад середины 1990-х. Можно описать несколько типичных ситуаций, в которых происходила трансформация активистских *фреймов*⁴ в обывательские или профессиональные, политические и т. п.

1. «Все цели достигнуты, все задачи решены»

² Подробнее об этом см. Шубин А. В., Сахнин А. В. Исторический опыт Перестройки и российское гражданское общество // Аналитический отчет по исследовательскому гранту.

³ В литературе третьим сектором называют гражданское общество. Т. е. зону некоммерческой и негосударственной гражданской активности.

⁴ Американский социолог Ирвинг Гофман выдвинул теорию фреймов, ограниченное использование которой в данном исследовании нам кажется оправданным. По Гофману фреймы – это совокупность привычных практик, латентных смыслов действий и взаимодействий в определенной ситуации, которые воспринимаются как должное участниками взаимодействия. См. Гофман И. Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта. М., 2004.

Многие активисты той эпохи воспринимали Перестройку как демократическую революцию. Особенно это касается тех, кто участвовал в оппозиционном коммунистическому режиму политизированном протесте. Для них общим местом стало представление о том, что целью общественного движения является свержение этого режима. Последующая эволюция виделась многим как развертывание некоего демократического процесса, не встречающего на своем пути никаких серьезных преград. Постоянное участие в общественной жизни не рассматривалось как самодовлеющая ценность. Следовательно, после падения власти КПСС стимулов для постоянного активистского участия у таких людей не осталось. Вот типичное высказывание в одном из интервью:

«В 91 – м году казалось, что все задачи решены, бодаться и бороться, чтобы куда-то прорваться, усилий я не предпринимал... И долго достаточно не занимался общественной деятельностью, поскольку это не было востребовано никаким образом».

2. «Появилось много новых возможностей»

Вторым фактором стало то, что многие активисты столкнулись с необходимостью искать источники дохода в резко изменившихся условиях. Советская система, обеспечивавшая людям огромный объем досуга и гарантированный заработок, сменилась «шоковой терапией», которая вынудила многих отказаться от любой активистской деятельности в пользу поиска хлеба насущного. Впрочем, немало было и тех, перед кем открылись карьерные или бизнес-перспективы, что также отвлекало от общественной деятельности.

«Появилось много новых возможностей. Бросился, как все, деньги зарабатывать. Не до митингов стало...»

Пожалуй, модель «возвращения» от активистского к обывательскому фрейму⁵ стала наиболее массовой.

3. Профессионализация активизма

Особняком стоит процесс профессионализации активизма. Когда волна массового участия схлынула, а административное давление во многих отношениях стало гораздо слабее, целый ряд активистов и инициатив стали превращаться в профессионалов, действующих в рамках принципиально иной логики, нежели общественные активисты. В наибольшей степени этот процесс затронул неполитизированные секторы гражданского общества. Проиллюстрировать его можно на примере истории экологического движения. Социально-экологический союз эволюционировал из гражданской инициативы в организацию, существующую на гранты и выполняющую определенную информационную и экспертную работу в области природозащиты, профессионально организующую общественное лоббирование.

Профессионализация затронула и политизированное крыло гражданского движения, особенно «демократов», сторонников Ельцина, Гайдара, Собчака и других либеральных лидеров.

Гражданские активисты 1990-х – начала 2000-х гг.

Массовый спад митинговой (а шире – гражданской) активности после 1993 г. не означал исчезновения автономного пространства гражданской жизни. Но новые поколения активистов приходили в движение в совершенно иных условиях. Ключевым фактором была сравнительно широкая свобода, отсутствие авторитарного контроля со стороны государства. Были и другие факторы: влияние бизнеса и криминала, острые социальные проблемы и противостояние внутри общества. Однако комплекс этих факторов коренным образом отличался

⁵ См. об этом Клеман К., Демидов А., Мирясова О. От обывателей к активистам. М., 2012. С. 32.

от условий предыдущей и, во многом, последующей эпох. Поэтому структура гражданского общества того периода, его проблематика и внутренняя общественно-политическая культура отличались значительным своеобразием.

Изучение истории активистских движений и проектов «промежуточной» эпохи 1990-х – начала 2000-х не входит в задачу этой книги. Но следует указать на ту часть ее наследия, которая продолжает сказываться на эволюции общества на современном этапе.

Возможно, главным явлением в этом ряду следует назвать становление нового левого движения. Этот процесс начался еще в годы Перестройки. Но в 90-е гг. произошел приток в оппозицию людей коммунистических взглядов. Они заняли более значительное место в ряду гражданских движений. На улицы вышли те, кто оставался лояльным властью наблюдателем на рубеже 80-х и 90-х. Начался процесс становления политических движений левого толка, апеллировавших к разным идейным традициям: советской, большевистской, антиавторитарной левой и т. д. Значительная часть активистов оказалась связана с левыми партиями (КПРФ, РКРП), другие создавали независимые от них организации и инициативы («Социалистическое сопротивление», «Российский коммунистический союз молодежи» и др.). Третьи действовали в рамках социальных движений (профсоюз «Студенческая Защита», экологическое движение «Хранители радуги» и т. д.).

В 1994 г. появилась Национал-большевистская партия (НБП) во главе с Эдуардом Лимоновым, прямые наследники которой и сегодня сохраняют определенное влияние во внесистемной оппозиции в России. НБП выступала с эклектической идеологией, в которой сочетались ультралевые и ультраправые идеи, ценности и символы. Собственно, подразумевалось, что главное – это противопоставить официальной умеренной либерально-демократической риторике – риторике крайне агрессивную, радикальную и даже эпатажную. В некотором смысле НБП стала формой «богемного» и молодежного бунта против конформистских основ общества потребления. Недаром в ее становлении на разных этапах приняли участие яркие деятели современной (контр)культуры: философ Александр Дугин, музыканты и рок-певцы Сергей Курехин и Егор Летов, писатели Эдуард Лимонов и Захар Прилепин. Отчасти это впоследствии сыграло на ослабление организации. Когда НБП пошла на коалицию с либеральными силами, часть радикальной молодежи отвернулась от нее. Каждый прагматический шаг отталкивал ту часть актива, которая была мотивирована эпатажным имиджем партии. Но на 1990-е пришелся период подъема НБП.

Наоборот, либеральная часть гражданского движения в середине 1990-х гг. резко сократилась. Не только за счет дискредитации и падения популярности либеральных идей, но и за счет профессионализации этого движения. Многие активисты превратились в партийных функционеров, чиновников, ушли в бизнес, разного рода фонды и т. д. В частности, Карин Клеман в 1994 г. проводила интервьюирование «уличных демократов», участвовавших в демонстрациях и протестных кампаниях 1987–1994 гг. Она обнаружила, что «половина из них ушла в профессиональную политику или сделала околополитическую карьеру, а большая часть из оставшейся половины вовсе перестала принимать активное политическое участие в общественной жизни (они либо стали заниматься своими делами, либо ушли в бизнес). Те, кто остался, проявляли активность в оппозиции „демократам“, которые „эксплуатируют народ под видимостью демократии“, или „аферистам и буржуям, которые управляют от имени народа“⁶.»

Кризис испытало национал-патриотическое движение. Активистские структуры пережили череду расколов. Часть актива ушла в госструктуры и статусные партии. Радикальные националисты группировались вокруг изолированных экстремистских сект, практически не

⁶ Клеман К., Демидов А., Мирясова О. От обывателей к активистам. С. 86.

воспринимавшихся обществом. Только в 2000-е гг. наметился тренд возрождения националистического движения.

Своего дна спад гражданской активности достиг во время первого президентского срока Владимира Путина (2000–2004 гг.). Исследователи истории социальных движений резюмируют итоги этого периода:

«С приходом Путина во власть активность угасла. Резко упали все индикаторы общественной или политической активности, причем во всех сферах одновременно. Во многом это объясняется стабилизацией: экономической, социальной и политической. Производство восстанавливается, начинается экономический рост, зарплаты выплачиваются вовремя, – все это снижает уровень недовольства людей своим положением. Объявлена „борьба с бедностью“, демонстративно арестованы или нейтрализованы некоторые олигархи, восстановлен государственный контроль над ключевыми секторами экономики, провозглашена „диктатура закона“ и взят курс на укрепление государства. Добавим сюда теракты и вторую чеченскую войну, вокруг которых власть развернула мощную риторику о необходимости сплочения всех против „угрозы терроризма“, а также возврат к старым напевам о сверхдержавности и шаги, демонстрирующие способность российской власти противостоять США. Соединив вместе все эти ингредиенты, мы получим рецепт, обеспечивший путинской власти массовую, если не поддержку, то по крайней мере лояльность»⁷

«Возвращенцы»

Среди наших респондентов было довольно много тех, кто, получив опыт коллективного участия в гражданских движениях эпохи Перестройки, на долгие годы вернулся в обывательскую стихию в 1990-х, но впоследствии вновь пришел к активной общественной деятельности. Большинство из них говорили, что продолжали интересоваться общественной жизнью, даже не будучи ее участниками:

«На самом деле еще в 89-м, во время перестройки, мы ходили на митинги, произошло все хорошо, все хорошо закончилось в 91-м году, ГКЧП рухнул, можно было расслабиться, заняться личными делами. Всуете тоже как-то участвовал, потом как-то начал заниматься своими делами, а потом, когда появился Путин, стало очень стремно. И просто стало понятно, что страна сильно повернула не в ту сторону. И я уже участвовал в редких митингах правозащитников... Я тоже туда приходил, а потом уже... а потом у меня появилось чуть больше свободного времени».

О чем это говорит? Об относительной устойчивости опыта коллективной борьбы и участия. Но в этом феномене «возвращения» есть и более важное содержание. Он стал одним из каналов трансляции исторического опыта движений перестроечной эпохи и начала 1990-х. Ведь уже в путинскую эпоху в гражданское движение вернулись носители практически «чистого» перестроечного опыта с их специфическими поведенческими фреймами и стереотипами отношения к власти, идеологическими клише и т. д.

Таким образом, некоторая часть исторического опыта перестроечной эпохи была законсервирована и ждала своего часа, пока созреют необходимые условия и она снова войдет в употребление.

Собственно, главным условием, вернувшим в повестку дня актуальность перестроечных моделей, стал поворот страны к авторитаризму и усиление контроля государства за общественной самодеятельностью. На это накладывались и другие факторы, в первую очередь, социально-экономическая политика режима и ее следствия. Все это привело к тому, что приблизительно с середины 2000-х годов начинается новый этап в истории граждан-

⁷ Клеман К., Демидов А., Мирясова О. От обывателей к активистам. С. 97.

ского общества в стране. Причем он приобретает типологические черты, характерные для общественных движений рубежа 80-х и 90-х гг. Это повторение перестроечных моделей осуществлялось с разной степенью само-рефлексии. Иногда участники событий сознательно стремились воспроизвести опыт, казавшийся им удачным. Например, в декабре 2011 г. либеральный правозащитник Лев Пономарев, участвовавший в создании широкой гражданской коалиции, с удовлетворением отметил: «Ну вот, мы снова создали Московский народный фронт, следующая задача – „Демократическая Россия“». В других ситуациях, в которых никто сознательно не стремился копировать перестроечные формы, у ветеранов движения возникал эффект дежавю.

Современный этап общественного движения начался в 2005 г., когда страну потрясли массовые выступления против осуществленной правительством реформы по монетизации льгот. Именно на волне этих протестов зарождаются новые социальные движения, и происходит становление многих политических активистских инициатив, которые до сих пор определяют динамику гражданского общества в России⁸.

⁸ См. об этом Клеман К., Демидов А., Мирясова О. От обывателей к активистам. С. 100.